

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 15 ноября 1881
3 октября

Отдельные нумера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie.** Телеграммы, письма и корреспонденции въ редакцію адресуются: **rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante. Eaux-Vives, Genève.** Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Правильныя начала и погрѣшности «программы народной партіи». — 2) Слухъ объ открытіи заговора и объ удаленіи генерала Игнатъева. — 3) Нѣсколько словъ объ отвѣтственности и объ обязательной для русскаго публициста нравственной порядочности; фальшивый доносъ фельетониста-издателя «Новаго Времени»; какъ мы понимаемъ формулу: «все для народа и посредствомъ интеллигенціи»? — 4) Комиссія о пересмотрѣ провинціального управленія. Чего можно ожидать отъ «государственныхъ умовъ» нынѣшняго царствованія? Какими силами должна быть произведена работа разсередоточенія государственнаго управленія? — 5) Историческая Польша и великорусская демократія, XII, *М. Драгоманова*. — 6) Современное положеніе (Корреспонденція изъ Петербурга) г-на *М.* — 7) Письма о рабочемъ движеніи, X. Соціалистическое движеніе въ Италіи. Переходный фазисъ въ его развитіи. Экономическое положеніе народа и общее культурное его состояніе, какъ препятствіе къ образованію рабочей партіи. Общій характеръ соціальной борьбы низшихъ классовъ въ Италіи. Препятствія образованію раб. партіи со стороны правительства и буржуазныхъ партій. — 8) Программа народной партіи. — 9) Известія и замѣтки: соціалистическіе депутаты въ Германіи.

Женева, 15 ноября.

Печатаемая ниже „программа народной партіи“, съ удовольствіемъ отмѣчаемъ въ ней сознаніе необходимости полнаго слитія съ народомъ. „Освобожденіе народа, — говорится въ заключеніи, — мыслимо лишь въ томъ случаѣ, когда народъ и народная партія сдѣлаются однимъ неразрывнымъ цѣлымъ“. Но такъ какъ на прострѣтѣ восточно-европейской равнины, занимаемой Россійскою имперіей, живетъ не одинъ народъ, а нѣсколько національностей, механически между собою связанныхъ въ настоящее время, то дѣйствительное слитіе партіи съ народомъ можетъ произойти не иначе, какъ при усло-

віи ея федеральнаго устройства путемъ образованія національных группъ. Каждая изъ этихъ группъ дѣйствуетъ въ своемъ природномъ районѣ, опираясь, какъ сказано въ началѣ „программы“, на условія и міровоззрѣнія, выработанныя народною жизнью“ и становясь, благодаря этому, „живой общественной силой“.

Отмѣчая эти безспорно вѣрные приемы борьбы за освобожденіе, мы не можемъ, однако, пройти молчаніемъ важныя противорѣчія съ основными принципами, встрѣчаемыя въ программѣ при опредѣленіи практическихъ подробностей.

Такъ, въ отдѣлѣ: „цѣль и непосредственная задача партіи“, намъ кажется крайне страннымъ заключительный пунктъ, объясняющій, что, „въ моментъ народнаго возстанія партія возьметъ на себя инициативу организаціи временныхъ правительствъ, способныхъ руководить революціонной борьбой и готовыхъ, послѣ приведенія ея къ успѣшному концу, уступить мѣсто политической организаціи, санкціонированной народомъ“. Какъ это? Народъ будетъ возставать, а партія приметъ за организацію правительствъ для управленія возставшимъ народомъ? Да захочетъ ли еще народъ взять себѣ въ правительство рекомендуемую себя партію? Захочетъ ли возставшій народъ стѣснить свободу своихъ дѣйствій вообще какимъ бы то ни было правительствомъ? Всякое дѣйствительно народное возстаніе само собою выдвигаетъ и вожаковъ возстанія изъ той же народной среды, а потому предложеніе партіи править этою средою можетъ повести только къ весьма невыгодному мнѣнію о дѣйствительно преслѣдуемыхъ ею цѣляхъ и стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ ея же заявленіемъ, что народъ и народная

партія должны составить одно неразрывное цѣлое, если только роли обѣихъ сторонъ въ этомъ цѣломъ не раздѣлять такъ, что одни будутъ идти въ огонь, а другіе станутъ тѣмъ временемъ подбрасывать полѣнья, чтобы жарче горѣло, а потомъ „загрѣбать жаръ чужими руками“.

Къ числу крупныхъ ошибокъ программы нельзя не отнести также зачисленіе въ дѣйствующіе ряды партіи интеллигентной молодежи, и при томъ такой, которая еще нуждается въ научномъ образованіи и въ воспитаніи въ себѣ чувства гражданскаго долга—вести борьбу за народныя идеалы. Привлечь къ народному дѣлу лучшія силы общества, конечно, необходимо; но учащаяся молодежь не сила,—она можетъ лишь стать ею со временемъ, т. е. когда закончитъ свое научное образованіе, умственно и нравственно подготовитъ себя къ практической дѣятельности. Впрочемъ, не одна „народная партія“ впадала въ эту прискорбную ошибку, не ей, конечно, обязано наше отечество безвозвратною потерей лучшихъ силъ своего будущаго, вслѣдствіе неумѣлости бравшихся за организацію революціонной борьбы или желанія организаторовъ окружать себя скорѣе поклонниками, нежели людьми дѣла.

Ходитъ слухъ объ открытіи въ Петербургѣ чрезвычайно искусно составленнаго заговора противъ жизни царя; поговариваютъ объ удаленіи генерала Игнатъева.

Отвѣтственность, которой подвергается въ нашемъ отечествѣ всякій нарушитель покоя администраціи вольнымъ словомъ, дѣлаетъ нравственно-обязательнымъ для каждаго русскаго публициста уважать

тайпу анонимных изданий, ведущих борьбу съ правительственнымъ произволомъ изъ-за границы по невозможности до поры до времени перенесения этой борьбы на отечественную почву. Такъ повелось издавна, въ силу проснувшегося въ обществѣ сознанія своего права на пользованіе свободою слова, и будетъ считаться неизмѣннымъ правиломъ гражданской порядочности, покуда не только въ анонимныхъ, но и вообще въ заграничныхъ изданияхъ на русскомъ языкѣ не представится болѣе надобности, т. е. покуда свобода слова въ Россіи не станетъ достояніемъ всѣхъ и каждаго.

Приступая къ анонимному изданію „Вольнаго Слова“ въ Женевѣ, мы надѣялись, что по крайней мѣрѣ русская печать воздержится отъ доносовъ на насъ по началству. Къ сожалѣнію, мы ошиблись въ своемъ справедливомъ ожиданіи; на насъ допосылъ извѣстный Незнакомецъ „Новаго Времени“ и, какъ всегда бываетъ съ людьми его профессіи, допосылъ неправду. Этотъ обѣжавшій со времени Лористъ-Мелникова подѣлать покровительство министерства внутреннихъ дѣлъ фельетонистъ-издатель газеты, то и дѣло уличаемой во лжи и преслѣдуемой порядочными людьми за диффамацию и клевету, говоря о различныхъ видахъ социалистической формулы: „все для народа“, повѣствуетъ между прочимъ:

„существуетъ формула: „все для народа и посредствомъ интеллигенціи“. Эта формула заявлена, между прочимъ, въ „Свободномъ (т. е. Вольномъ) Словѣ“, женевакомъ изданіи г. Весселитскаго-Божидаровича, того г. Божидаровича, который хотѣлъ вступитъ на престолъ гдѣ-то на Балканскомъ полуостровѣ и для этого пересѣлся въ особые штаны и куртку съ книжками, потомъ подружился съ почтеннымъ буржуа г. Демидовымъ, поднявшимъ гдѣ-то на дорогѣ княжество Санъ-Донато, много чудившимъ на своемъ вѣку“...

и проч. и проч., въ томъ же поимомъ тонѣ уличаго mon cher'a съ видомъ беззаботности щедринскаго типа.

Пересѣвался ли г. Весселитскій-Божидаровичъ „въ особые штаны и куртку съ книжками“ для того, чтобы „вступитъ на престолъ гдѣ-то на Балканскомъ полуостровѣ“ и съ кѣмъ онъ дружился впоследствии, — намъ до этого, равно, какъ полагаемъ, и всей читающей газеты русской публикѣ, никакого дѣла быть не можетъ; что же касается до изданія г-мъ Божидаровичемъ выходящей въ Женевѣ еженедѣльной газеты „Вольное Слово“ то это

неправда, а если бы и была правда, то черезъ посредство своихъ читателей оповѣщать о ней русское правительство г-ну Незнакомцу „Новаго Времени“ едва ли слѣдовало бы въ виду упомянутого выше и общепринятаго въ Россіи условія публицистической порядочности.

Другое утвержденіе г. Незнакомца, будто издаваемая нами газета заявила о припрятанной формулы: „все для народа и посредствомъ интеллигенціи“ — тоже не вѣрно. Наши желанія непосредственно выражаются формулою: „все для народа и посредствомъ народа“, но мы не выдѣляемъ изъ народа его интеллигенціи и считаемъ за таковую тѣ общественныя группы и тѣхъ отдѣльныхъ образованныхъ лицъ, которые отдають свой трудъ на народное дѣло и понимаютъ его съ точки зрѣнія трудящихся, рабочихъ массъ, стремятся къ ихъ экономическому и политическому освобожденію путемъ борьбы не только съ правительственнымъ произволомъ, но и съ такими нелишними нѣкотораго интеллектуальнаго развитія радѣтелями о народномъ образованіи и матеріальномъ благосостояніи рабочихъ массъ съ сохраненіемъ правительственной опеки надъ всякимъ шагомъ къ достиженію поставленной цѣли, къ разряду которыхъ принадлежитъ и фельетонистъ-издатель „Новаго Времени“, совершенно справедливо именующій, хотя того и не замѣчая, самъ себя и себѣ подобныхъ „буржуазною интеллигенціей“. Отвергать участіе интеллигенціи въ развитіи народной жизни — тоже самое, что отрицать значеніе головы въ жизни человѣческаго организма. Все дѣло въ томъ, что интеллигенція должна быть народною, голова должна быть органически связана съ тѣломъ, а не приставлена къ нему кое какъ и богъ вѣсть откуда; говоря точнѣе, мы признаемъ за народную интеллигенцію не ту, которая выдаетъ себя за таковую, а ту, на которую самъ народъ указываетъ какъ на представительницу своихъ культурныхъ силъ. Такой интеллигенціи еще почти не появлялось въ Россіи на попріищѣ общественной дѣятельности, мало было ея и въ литературѣ, но потому именно, что народу не дано воли высказывать для всякаго общественнаго дѣла своихъ людей, учиться и воспитывать своихъ же сыновъ въ направленіи, прямо удовлетворяющемъ стремленію и нуждамъ рабочихъ массъ.

Народъ для устройства своего благосостоянія не нуждается въ геніяхъ, какъ думаетъ г. Незнакомецъ, говоря, что „для этого по-

требны способы геніальные“, ему нужна только воля быть самимъ собою, самому распоряжаться своими дѣлами. Или ужъ если говорить о геніяхъ, такъ прежде всего надо признать уже давно доказанную исторіей истину, что геній самоуправленія приеусть всякому народу и что народные месіи свыше не посылаются — они кость отъ кости и шло отъ плоти самого народа, рождаются имъ самимъ, этимъ народомъ, а не отъ „духа свята“, или по произволенію помазанниковъ божіихъ. Народу для достиженія возможнаго своего благосостоянія достаточно только сознать свою собственную мочь, а для выработки этого сознанія, конечно, далеко не излишенъ трудъ интеллигенціи, даже и не вполне народной, а только стремящейся стать народною.

Изъ Петербурга телеграфируютъ въ иностранныя газеты отъ 13 поября:

«Правительственный Вѣстникъ публикуетъ императорское повелѣніе, относящееся до внутренняго преобразования Россіи съ цѣлью упростить движеніе административнаго механизма, уничтожить бесполезныя формальности и разсрѣдоточить на сколько возможно управленіе страной.

«Прежде всего необходимо де установить болѣе тѣсную связь между правительственной администраціей и земствомъ, дабы опредѣлить въ точности права, обязанности и ответственность каждой изъ двухъ сторонъ. Этого не возможно достигнуть иначе какъ путемъ полной передѣлки провинціальной администраціи и частичной реформы земствъ и городскихъ управленій.

«Для осуществленія этихъ реформъ, императоръ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, повелѣлъ учредить, подѣ председательствомъ статсъ-секретаря Каханова, особую комиссію, на которую будетъ возложена выработка проекта мѣстнаго управления. Программа, которой должна слѣдовать комиссія, будетъ составлена комитетомъ министровъ, съ участіемъ въ немъ двухъ членовъ государственнаго совѣта и трехъ сенаторовъ производившихъ ревизіи губерній, а также уполномоченныхъ отъ министерствъ. Реформѣ подлежатъ управленіе какъ губерніями, такъ и уѣздами, городами и крестьянскими обществами.

«Комиссія разсмотритъ свѣдѣнія и выводы, добытые сенаторскими ревизіями, а также рѣшенія властей, коимъ поручено упорядоченіе крестьянскихъ дѣлъ и постановленія земствъ.

«Наконецъ, председатель комиссіи, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, уполномоченъ призывать представителей мѣстныхъ властей, земствъ, городскихъ управленій и отдѣльныхъ свѣдущихъ лицъ, чье сотрудничество признастъ полезнымъ. Онъ можетъ также требовать отъ министерствъ сообщенія всякихъ документовъ и свѣдѣній, въ которыхъ будетъ имѣть надобность“.

Не сомнѣвается, что статсъ-секретарь Кахановъ съ товарищами бюрократами и ими излюбленными людьми изъ общественной среды сдѣлаютъ значительныя поправки въ II-мъ томѣ св. зак. Россійской имперіи; но на сколько эти поправки въ состояніи внести свѣжую струю въ стоячее болото русскаго полицейскаго государства — это другой вопросъ и при томъ касающійся скорѣе нашей правящей среды, чѣмъ управляемаго населенія. Мы знаемъ, что Каханову Россія обязана повсемѣстнымъ усиленіемъ произвола неправыхъ, полиціймейстеровъ, жандармовъ и губернаторовъ, что ему же населеніе десятка губерній обязано введеніемъ чрезвычайной охраны въ видѣ какого-то варварскаго опыта надъ долготерпѣніемъ народа; мы знаемъ также, что одинъ изъ ревизующихъ сенаторовъ, теперь членъ государственнаго совѣта, изготавлявшій еще такъ недавно у себя на квартирѣ всероссійскую конституцію, первый подаль мысль объ учрежденіи особаго присутствія для административной ссылки и додумался до этой конституціонной гарантіи въ самомъ началѣ производства ревизіи одной изъ восточныхъ губерній, гдѣ, говорятъ, открытъ не мало злоупотребленій мѣстной администраціи. И тотъ же статсъ-секретарь Кахановъ, и тотъ же сенаторъ и членъ государственнаго совѣта, по фамиліи Ковалевскій, призваны теперь разрѣшить завязавшійся еще на Московской Руси споръ между земщиной и государствомъ! Какимъ же людей позвать на совѣтъ эти „государственные умы“ пышнѣшаго царствованія, эти претечки поваго правового порядка, крещавшіе кутузками и архангельскими сѣтками? Какое могутъ они внушить довѣріе обществу къ правительственнымъ заботамъ о народномъ благѣ? Кто рѣшился бы въ ихъ присутствіи сказать правдивое слово о полной негодности всей системы сосредоточенности государственнаго управленія въ рукахъ отвергаемой народнымъ чувствомъ и общественнымъ сознаниемъ чиновничьей касты, о фальши представительства, не основаннаго на свободѣ выбора, о насильственномъ удаленіи изъ народной среды всякаго человѣка, способнаго объяснить темному люду его права, указать ему на дѣйствительныя средства къ достиженію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія, на мѣру его обязанностей передъ государствомъ и на значеніе общественной солидарности выражаемой въ свободномъ общеніи мнѣній, гласно, въ печати, на сходкахъ, — солидарности,

выражаемой въ устройствѣ сообществъ самопомощи и производительнаго труда, — безъ чего не мыслимъ отпоръ произволу и хищническимъ захватамъ въ области нравственной и матеріальной жизни личности?

Такія работы, какъ разредоточеніе государственнаго управленія и опредѣленіе взаимныхъ отношеній земствъ и городскихъ учреждений къ мѣстнымъ правительственнымъ властямъ не могутъ производиться подъ руководствомъ чиновниковъ. Въ основаніи такихъ работъ должны лежать мѣстные интересы не чиновничьяго сословія, а всего населенія, которому, поэтому, и должно принадлежать рѣшающее слово, если хотятъ пользы народной, а не упроченія благосостоянія лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и на жалованьи, взимаемомъ съ народа въ видѣ податей на государственныя нужды. Населеніе же можетъ высказываться только однимъ способомъ — черезъ посредство свободно выбранныхъ имъ довѣренныхъ людей. Эти же довѣренные люди съ великою для общаго дѣла пользою могли бы высказаться и по содержанію свѣдѣній и выводовъ, добытыхъ сенаторскими ревизіями. Иначе даже самыя удачныя наблюденія сенаторовъ-ревизоровъ заглухнутъ въ министерскихъ канцеляріяхъ, будутъ просто на просто припрятаны чиновничествомъ (не рѣзать же ему себя по живому!), а на худой конецъ останутся не понятыми въ ихъ дѣйствительномъ значеніи, т. е. въ ихъ значеніи для народной жизни.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

XII.

Первый изъ упомянутыхъ банкетовъ былъ данъ въ память возстанія 1863 г. Здѣсь К. Марксъ произнесъ рѣчь, въ которой, по обыкновенію, наставлялъ на необходимость „возстановить Польшу“, чтобы разорвать связь между Россіей, Пруссіей и Австріей“, — какую Польшу, — историческую, или этнографическую? — нѣмецкій ораторъ не сказалъ, — но, конечно, ту, за которую было возстаніе 1863 г. Никто изъ ораторовъ, ни поляковъ, (напр. г. Врублевскій), ни великоруссовъ, которые все говорили о польскомъ народѣ и его будущей социальной свободѣ, не поднялъ вопроса о другихъ народахъ въ предѣлахъ этой Польши. Довольно близко подошелъ было къ этому вопросу одинъ изъ ораторовъ, г. Судзиловскій, — названный въ „Впередѣ“ „русскимъ“, изъ Могилевской губерніи, т. е. изъ Бѣло-

руссіи. Онъ сказалъ было, что „не смотря на симпатіи къ польскому движенію 1863 г., онъ не могъ не замѣтить, что на его родной народъ (какой? бѣлорусскій? русскій? польскій?) далеко не былъ на сторонѣ революціи; напротивъ, крестьяне перѣдко шли открыто противъ возставшихъ, видя въ нихъ бунтующихъ пановъ. По его мнѣнію, „польская революція (1863) была революціей шляхты, а не народа, — и въ этомъ причина ея неудачи.“ Но и г. Судзиловскій, судя по крайней мѣрѣ по отчету „Впередѣ“, не поставилъ вопроса: что же такое это „родина“? — Польша или нѣтъ? — и можетъ ли быть въ ней какая бы то ни было *польская* революція иная, кромѣ революціи шляхты? Онъ сказалъ только, что польскіе революціонеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазіи надоѣло московское иго, — то не менѣе надоѣло польскому народу (гдѣ? въ Бѣлоруссіи?) иго шляхетское (г. Судзиловскій могъ бы сказать въ соответствии словамъ „иго московское“, — бѣлорусскому народу надоѣло иго польское“, и что „луть социальной революціи есть единственный путь для польскаго народа“ (а для бѣлорусскаго?) Однако и такое замѣчаніе вызвало, по словамъ отчета въ „Впередѣ“, „возраженіе г. Врублевскаго, ссылавшагося на цифры“ — и г. Судзиловскій „на это отвѣчалъ, что его воззрѣнія сложились лишь на основаніи видѣннаго и слышаннаго въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ“ (т. е. въ мѣстности губерніи). Этимъ разговоръ и кончился! Редакція „Впередѣ“ съ своей стороны заявила въ общихъ словахъ привѣтъ „той группѣ польской эмиграціи, которая рѣшительно отказалась отъ старой, чисто-политической агитаціи для народно-соціалистическихъ началъ, распространенныхъ на все племена, на все языки такимъ образомъ, чтобы свободная будущность польскаго народа была обезпечена международнымъ социальнымъ переворотомъ“. Но замѣчаніе это теряетъ двѣ трети своей цѣны именно по своей абстрактности, — такъ какъ, конечно, для польскаго народа всего интереснѣе социальный переворотъ среди народовъ ему сосѣднихъ, въ томъ числѣ, среди народовъ: литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго. А о нихъ то ни однимъ словомъ не было упомянуто ни на банкетѣ, ни въ газетѣ, его описавшей.

Если заявленія польскихъ и великорусскихъ ораторовъ на первомъ банкетѣ страдали преимущественно боязливымъ неясностью, то рѣчь великорусскаго оратора на второмъ банкетѣ, — въ память возстанія 1831 г. носила на себѣ характеръ явнаго отклоненія даже отъ заявленій на первомъ банкетѣ, въ сторону стараго польскаго патріотизма. Прежде всего, совсѣмъ даже не понятно, зачѣмъ понадобилось социалистамъ и при томъ не-полякамъ праздновать годовщину возстанія 1830 г., которое по имѣло въ себѣ даже той демократической доли, которая все таки была въ возстаніи 1863 г. На второмъ банкетѣ полякъ, рабочий Якубовскій прямо сказалъ, что революція 1831 г. была „панская“, — и слова его остались безъ возраженій. Тѣмъ не менѣе со-

поражая издателей жевевских украинских брошюр, противопоставляя имъ „истинныхъ московскихъ революціонеровъ (iście gewolucyjne organy moskiewskie), которые-де выступаютъ противъ жевевскихъ украинцевъ за ихъ „непріязненное отношеніе къ полякамъ“, — т. е. собственно къ польской шляхтѣ и къ польскимъ государственнымъ порядкамъ въ Галиціи. (Подъ этими „органами“, по всей вѣроятности, разумеется „Набатъ“).

Теперь, когда дѣятельность „московскихъ нигилистовъ“ принимаетъ болѣе политическое, чѣмъ социально-экономическое направленіе, отзывы о нихъ польскихъ газетъ становятся опять болѣе симпатичны, — и когда, какъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать, въ польскихъ областяхъ Россіи поднимается опять національно-политическое движеніе, то ученіе о томъ, что „московскіе революціонеры луждаются въ польскихъ патріотахъ, какъ польскіе патріоты въ нихъ“, конечно, опять должно пойти въ ходъ. По скольку тутъ дѣло идетъ о дѣйствительно польскомъ народѣ и вопліи законныхъ требованій поляковъ, — въ предѣлахъ этнографической Польшы, — ученіе это вполне основательно. Но по скольку тутъ идетъ дѣло объ историческомъ и даже шовинистическомъ патріотизмѣ польскомъ, — отъ догматовъ котораго не думаютъ отступать ни на юту галиціи польскія газеты, — ученіе это заключаетъ въ себѣ зародышъ ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія были сдѣланы въ 1863 г. Вотъ тутъ то и нужно „московскимъ революціонистамъ“ избѣгать такихъ неясностей, умолчаній и любезностей, какія мы видѣли въ отношеніи къ Польшѣ во „Впередѣ“, а равно остерегаться такихъ заявленій, какія были сдѣланы подъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ именъ въ русской революціонной средѣ на жевевскомъ митингѣ 30 ноября 1880 г. въ памяти польскаго возстанія 1830 г., — въ словахъ: „я не знаю, какъ глубоко вкоренены въ Польшѣ національныя чувства, и насколько могутъ они препятствовать развитію социалистическаго движенія. Наши товарищи поляки, которые дѣйствовали въ Польшѣ, надѣются, что чувства эти препятствуютъ этому движенію не могутъ, и мнѣ кажется, что мы можемъ имъ вѣрить. А если они и ошибаются, — такъ что жъ изъ этого? Ежели національное возстаніе еще разъ вспыхнетъ въ Польшѣ, тогда слишкомъ поздно будетъ противудѣйствовать ему посредствомъ какой бы то ни было социалистической пропаганды. Тогда и они (польскіе социалисты), можетъ быть,

скія газеты пробовали сначала отдѣлать „московскихъ разбойниковъ-нигилистовъ“ отъ нѣмецкихъ социалистовъ, но когда пронесся слухъ, что и эти послѣдніе предпринимаютъ социалистическую пропаганду на польскомъ языкѣ въ Познань, — то обрушились и на нихъ, не смотря на всѣ ихъ симпатіи „возстановленію Польшы“. Тревога, однако, оказалась совершенно напрасною: „германская социальная демократія“ такъ и не собралась на изданіе польской социалистической ни газеты, ни даже брошюры для поляковъ, входящихъ въ составъ германскаго государства. Для этого надо было самихъ поляковъ, да еще изъ Россіи. Фактъ — поучительный для сторонниковъ государственныхъ основъ для федеративнаго социалистическихъ партій.

примутъ участіе въ этомъ возстаніи, — и мы, можетъ быть, примемъ въ немъ участіе. Тогда это будетъ уже дѣло не убѣжденій, а чувства, темперамента!“ (Biblioteka „Równości“, t. I, 71, Mowa ob. Wiary Zasulicz).

Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ, а тѣмъ болѣе темперамента для вѣрнаго направленія политической дѣятельности. Но совершенно уместно будетъ замѣтить по поводу этихъ словъ, что единственное средство предохранить и будущее польское національное движеніе, и тѣхъ социалистовъ, польскихъ и русскихъ, которые „можетъ быть пристанутъ къ нему“, — это: всегда строго ставить себѣ и другимъ вопросъ о томъ, — гдѣ польское національное движеніе имѣетъ себѣ мѣсто, а гдѣ нѣтъ? т. е. вопросъ о границахъ настоящей Польшы, — а также никогда не ставить польскаго вопроса только между Польшей и Россіей, поляками и великорусами (русскими, rossyjanami), — а между поляками и литвинами, латышами, бѣлорусами и украинцами, — т. е. и въ томъ и въ другомъ случаѣ поступать не такъ, какъ поступалъ „Впередъ“ и ораторы жевевскаго митинга 1880 г.

Единственное средство дать здоровое направленіе польскому національному чувству въ вопросахъ организаціи политической и социалистической революціи, — это организація политическихъ и социалистическихъ партій для націй плебейскихъ въ бывшей Польшѣ, — а именно партій литовской, латышской, бѣлорусской и украинской, на совершенно равной ногѣ съ партіями польскими и великорусскими. И наибольшая услуга, какую могли бы оказать „русскіе“ революціонеры и социалисты своимъ польскимъ друзьямъ, — если уже не говорить о народахъ, — это способствовать организаціи вышеупомянутыхъ партій. Правда что для этого имъ слѣдуетъ изъ радикально отрѣшиться отъ своихъ національно-государственныхъ предразсудковъ и согласиться на раздѣлъ того, что имъ кажется единою Россіей и едино-русскимъ.

Но такое отрѣшеніе и такое согласіе развиваются и среди „русской интеллигенціи“ также туго, какъ и среди польской. Это подтверждается, кромѣ всего сказаннаго выше, судьбою среди другихъ группъ русскихъ социалистовъ 70-хъ годовъ той группы, которая всего болѣе хотѣла остаться вѣрною направленію, данному Бакунинымъ. Мы разумѣемъ ту группу, которая издавала въ 1874 г. въ Женевѣ газету „Работникъ“, — первый опытъ великорусской социалистической газеты для рабочихъ. Между прочимъ редакціей „Работника“ издана была книга „Сытые и Голодные“, по нашему мнѣнію, вмѣстѣ съ брошюркою „Хитрая Механика“, лучшая до сихъ поръ популярная социалистическая книга на великорусскомъ языкѣ. Въ книгѣ этой, представляющей опытъ изложенія исторіи пролетариата, довольно послѣдовательно проведена анархическая, федеративная точка зрѣнія и относительно исторіи Россіи: областному эле-

менту указано надлежащее мѣсто; борьба украинцевъ съ Польшою и московская централизація освѣщены вѣрно; даже польское возстаніе 1863 г. и участіе въ немъ великорусскихъ демократовъ объяснено тоже довольно вѣрно, во всякомъ случаѣ съ должной критикою. (стр. 409-412). Послѣднее тѣмъ болѣе интересно, что въ редакціи „Работника“ принималъ участіе г. Н. Жуковский, великорусецъ, который въ свое время былъ судимъ за раздачу прокламаций къ арміи, благоприятныхъ польскому возстанію. „Работникъ“, конечно, не смогъ взять на себя инициативы изданій для народа на другихъ языкахъ, кромѣ великорусскаго, и остался собственно не общерусскою, а только великорусскою газетою, но въ его типографіи была напечатана и прокламація на украинскомъ языкѣ „Золота Грамота“, (правда, не вполне удачная) составленная лицами, которыя хотя и пристали къ великорусскимъ социалистамъ, но которыя не совсѣмъ забыли, что украинскій народъ представляетъ свои особенности по крайней мѣрѣ хоть по языку. Но на этомъ и окончились попытки дифференцированія русскихъ анархистовъ въ Женевѣ. Они не только не дошли до всероссійской федералистической организаціи, но не поставили и общаго вопроса о ней, хоть такъ, какъ пробовалъ было ставить его Бакунинъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ скоро оказалось, что и въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ сложилась группа „Работника“, она не встрѣтила поддержки въ Россіи, въ которой изъ всѣхъ социалистическихъ фракцій, фракція „Работника“ оказалась самою слабою численностью, и потому должна была скоро прекратить свои публикаціи.

Въ 1878 г. нѣкоторые члены изъ редакціи „Работника“, вмѣстѣ съ другими лицами, попробовали было основать въ Женевѣ газету „Община“. Эта послѣдняя въ своей программѣ помѣстила нѣсколько строкъ, которыя показывали намѣреніе вывести „русскую социально-революционную партію“ изъ обрусительнаго унитаризма „Набата“ и „Впередъ“*). Въ статьѣ г. Жуковскаго „Реформы и революція“ сдѣлана была еще болѣе рѣшительная попытка указанія необходимости народно-областной дифференціаціи дѣла социалистической пропаганды въ Россіи и оцѣнка значенія заявившаго уже тогда себя украинскаго социалистическаго движенія, между прочимъ какъ такого, которое выходитъ за предѣлы Россійскаго государства, а потому тѣмъ болѣе не можетъ быть уложено въ рамки Россійской социаль-демократіи. Г. Жуковский писалъ:

„Мысль о благодѣтеляхъ, о диктаторахъ, о комитетахъ, предписывающихъ движеніе сверху внизъ, отходить въ область прошлаго вмѣстѣ съ старымъ понятіемъ о самой революціи.

„Движеніе должно совершаться уже самими дѣйствующими, должно идти съ низу вверхъ, отъ частнаго къ общему, отъ сек-

*) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ теперь подъ рукою программы „Общины“ и не можемъ привести подлинныхъ ея словъ, въ которыхъ она признаетъ необходимость областно-національныхъ организацій социалистовъ въ Россіи.

ции к федерации, области секций; от областной к национальной, от национальной к мировой.

„В политике, в государстве, фикция государственная стирает личность, уничтожает ее. La maison d'Etat, как финикийский молодец, пожирает своих собственных детей, отнимая у них личность. В положительной организации, в общественной организации труда, каждый работник, каждый член общества становится, напротив, сознательной личностью; не он существует для организации, а организация для него.

„Такова революционная мысль, с которой в позднейшее время молодежь наша пошла в народ.

„В молодежи украинской автономия и демократическая идея проявились с новой силой в конце шестидесятых годов; малороссийские революционеры на этот раз больше решительно примыкают к общеевропейскому федеративному социализму.

„Украинская молодежь выбита из узкой колеи пропаганды в одной только русской Украине; она выступает в открытое, влиятельное государственное, интернациональное поле. Ошибся Александр Николаевич: он думал, разом положить конец революционной пропаганде, а она не только выросла в Украине русской, но вошла в пределы его соседа-союзника, австро-венгерского императора. Так-то сложилась украинская социалистическая партия. В силу самих обстоятельств она должна быть федеративная: с одной стороны, она федерируется с федералистами-революционерами России, с другой с западно- и юго-славянскими революционерами, польскими и всякими другими социалистами-революционерами, принимающими федерализм за основу организации.

„В этом новом движении зародыши будущего народов, скованных железной лапой всероссийского императорства. В пылшей официальной России „всероссийского“ ведь только и есть, что царь, солдат, поп, чиновник и помещик, патрон да купец; эти разнообразные факторы власти однородны и можно назвать их не только всероссийскими, но и всемирными. У русского правительства есть русский жандарм, русский шпион, а народа всероссийского нет.

„Без Грузии, Армян и безчисленного множества ипородцев, которых считать всероссийскими позволительно только ставшему приставу, в пределах империи живет 36,000,000 великоруссов, 14,239,000 малоруссов, 4,749,212 поляков да 4,000,000 белоруссов. У каждого из этих народов свое бытовое устройство, свой земледельческий строй; каждому из них нужно, следовательно, не только предоставить право внутреннего самоуправления, но и всем им предоставить право федерации, как она может сложиться по их собственной инициативе. Официальная Россия, раздвинувшая завоевание Ермака до Восточного океана, подчинила и всю северную Азию

власти всероссийского станового, а между тем в недалеком будущем интересы восточной Сибири потянут больше к Союзным Штатам, чем к Петербургу или Одессе.

„Москвич, поляк, украинец, сибиряк друг другу не указчики, а товарищи. Теперь они все живут под гегемонией великоруссов и называются русскими народами, потому именно, что над ними русский становой; исчезнет становой, и все эти народы будут предоставлены самим себе, а в каких пределах и как они федерируются друг с другом, это может показать только практика.

Но и федерализм и анти-государственность „Общины“ не встретили сочувствия в „русских“ социалистических кругах. Сама „Община“ должна была поместить без всяких оговорок со стороны редакции статью г. Як. Степановича об украинском сборнике „Громада“. В статье этой все указания „Громады“ на недостаток должной дифференциации в действиях и даже в литературной деятельности великорусских социалистов, взявшихся работать на всем пространстве России, населенной разными народами, и о несправедливости такого образа поведения относительно невеликорусских народов, признаны были неосновательными, и продиктованными недоброжелательством и узким национализмом; положение для в русской социально-революционной партии таким образом признано было вполне нормальным, не требующим реформ. Вскорь за тем один из видных великорусских социалистов, г. П. Л. (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879, I, 275) укорил „Общину“ и за те уступки, какие она позволила себе сделать в своей программе народно-федеральному направлению; он увидел в этих уступках „открытие страниц „Общины“ южнорусским националистам“ (??) *). Когда писал был этот укор, „Община“ уже перестала существовать, — и никакой другой „русский“ орган не говорил уже о необходимости дифферен-

*) Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879, I, 275: „Община“ считает особенно необходимым, чтобы внутри русского государства действующая группа устроилась как союз отдельных „национальных“ групп, вместо того чтобы, как прежде все социалисты (русские, конечно) образовывали массу, не смотря на национальные различия великоруссов, малоруссов и поляков. Таким образом этим (заявлением) редакция открыла свой листок и (auch) южнорусским националистам. Г. П. Л. не захотел обратить внимания на то, что ненормальность прежнего положения для состояла не в том, что в русские социалисты поступали люди без различия национальностей, а в том, что все они приспосаблились к работе для одной только государственной национальности. Союзная областно-национальная организация не только не исключает своего интернационализма, (не только по цели, но и по составу партии), — а напротив справедливо осуществляет „требования“ интернационального социализма. Те, которых г. П. Л. угодно было назвать „южнорусскими националистами“ были именно противниками национальной монополии. (Подробнее см. об этом в нашей заметке Der kleinrussische Internationalismus, в том же Jahrbuch, т. II).

циации в деятельности „русских“ социалистов.

Таким образом попытки народно-федералистической реакции против идеи государственно-националистической централизации в великорусской социалистической литературе проявились очень слабо и скоро заглохли, — а тем самым оказалась невозможность для так называемой русской социально-революционной партии сделаться из частной великорусской партии действительно всероссийской, и вполне интернациональной партией, посредством дифференцирования сверху вниз. Правда, после сделанных со стороны украинских социалистов замечаний, не только „Вперед“, но и „Набат“ признали в теории необходимость локализации и даже „национализации средств“ пропаганды социализма в России. „Вперед“ в т. V (новой редакции) должен был даже признаться, что напр. „Громада“ вполне верно указала недостатки в деятельности „русских“ социалистов: „шаблонность приемов, слабое внимание к местным особенностям“ и т. п., но только объяснял эти недостатки не так, как „Громада“, т. е. не теми причинами, какие мы указывали и в настоящих статьях, — а лишь малочисленностью русских социалистов, — и обещал, что „все эти недостатки со временем исчезнут. Ряды социалистов возрастут и каждый из них найдет себе место среди населения, с которым ему наилучше сблизиться. Никто не пойдет тогда проповедывать социализм полякам на еврейском языке, малорусам на чухонском (!). Практикой постепенно вырабатываются приемы для местной пропаганды, — несколько отличные от приемов пропаганды в другой местности“ (Вперед, V, 161—162). Но все такие признания не вели за собою никаких практических последствий. Напр. весь период пропаганды социализма в России посредством брошюрок прошел без того, чтобы русскими социалистами издана была хоть одна строчка, приспособленная, — по языку и по содержанию, к какой бы то ни было местности, кроме великорусской. Исключение составляет разве упомянутая выше женевская „Золота Грамота“. Между тем некоторые лица, появившиеся в русские социалистические круги из тех, в которых еще держались традиции украинского движения 60-х годов, чувствовали необходимость пропаганды и социализма на народных языках и старались проводить эту идею и среди русских социалистов, но совершенно безуспешно. Еще в 1874 г. мы видели в Петербурге рукопись украинского перевода „Хитрой механики“, — которую после исправления ее со стороны языка, одним „украиником“, который относился скептически к задуманному тогда „хождению в народ“, но счел себя обязанным оказать помощь делу, во всяком случае искренно задуманному, — была отправлена в Лондон для издания, — которого так и не дождалась ни от старой, ни от новой редакции „Вперед“, типография которого, поддержи-

ваемая между прочимъ и на средства, шедшая съ Украины, напечатала столько великорусскихъ книжекъ*). Еще въ началѣ 1874 г. однимъ изъ самыхъ почтенныхъ людей процесса 193 русскихъ социалистовъ, чело-вѣкомъ, въ которомъ первая демократическая идея, — (какъ и у многихъ южанъ) — были поселены украинскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ, — была составлена брошюрка на украинскомъ языкѣ: „Правдиве слово хлѣбороба до своїхъ земляків“ и передана одному южному „русскому“ кружку для напечатанія, — по она была напечатана только въ 1876 г. „украинскими“ социалистами. Эти послѣдніе увидѣли необходимость совершенно отдѣльной отъ „русскихъ“ организаціи, какъ единственнаго условія для того, чтобы издавалось и дѣлалось хоть что нибудь, приспособленное къ пропагандѣ социализма среди украинскаго населенія, и чтобы такимъ образомъ Украина не была только оброчною статьею и для великорусскаго социалистическаго движенія, какъ была она и есть оброчною статьею для великорусскаго государства**).

Такимъ образомъ жизнь научила, что дѣйствительно всероссийскую, интернационально-федеральную партію и для пропаганды социализма въ Россіи надо образовывать не сверху внизъ, а снизу вверхъ, приготовляя для нея сначала частныя, областныя и національныя элементы, которые уже потомъ должны будутъ сфедерироваться. Хотя такой способъ и неизбежно сопряженъ съ болѣе борьбы и временнаго раздробленія, которыхъ, конечно, лучше было избѣжать, — но, кажется, такой ходъ дѣла самый естественный и общающій на-

*) По показанію автора передовой статьи въ 1 № „Общины“, лица довольно компетентнаго, въ Россіи было распространено нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ книжекъ.

**) Рецензентъ „Громады“ въ „Общинѣ“ объясняетъ отсутствіе печатанія всероссийскими социалистами книгъ на иномъ языкѣ, кромѣ великорусскаго, тѣмъ, что напр. „южнорусскіе социалисты всегда придавали несравненно большее значеніе устной пропагандѣ, чѣмъ книжной.“ Это опять одно изъ такихъ же изобрѣтеній российской „самобытности“, какъ и раздѣленіе языковъ, на манеръ „Русск. Соц. Рев. Библиотеки“: одинъ — для „интеллигенціи“, другой для „народа“. На гниломъ Западѣ понимаютъ: что безъ книжной пропаганды итъ и устной, какъ безъ книгъ для „интеллигенціи“ итъ книгъ и для „народа“. Но посмотримъ, какъ стояло дѣло употребленія народнаго языка и въ устной пропагандѣ у „южнорусскихъ социалистовъ“. Въ „Воспоминаніяхъ пропагандистки“ читаемъ: „языкъ малорусскій мнѣ былъ плохо извѣстенъ“; изъ „Чигиринскаго дѣла“ 1876 г., описаннаго въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 1—2, узнаемъ, что дѣйствующіе тамъ русскіе социалисты, украинскіе уроженцы, проповѣдывали организацію „тайной дружины“, не зная, что по-украински „дружина“ значитъ — *любовнича-невняна*! По части приспособленія къ мѣстнымъ нравственнымъ особенностямъ это чигиринское дѣло тоже характерно: въ немъ пущенъ былъ въ ходъ пріемъ самозванщины, котораго, какъ видно изъ № 3 „Черн. Пер.“, нѣкоторые лица не оставили и до сихъ поръ. Между тѣмъ этотъ пріемъ совершенно противенъ всѣмъ преданіямъ украинскимъ, среди которыхъ можно найти зацѣпки не только для болѣе чистыхъ, но и болѣе республиканскихъ пріемовъ. Но на бѣду ознакомленіе съ украинскимъ языкомъ и преданіями, научнымъ способомъ, а не налетомъ, считалось многими (въ томъ числѣ и упомянутымъ рецензентомъ „Общины“) дѣломъ „буржуазнымъ“, а не революционнымъ!

иболѣе прочныхъ результатовъ, — ибо, какъ это ни грустно, — по нужно сознаться, что вообще родъ человѣческій хромаетъ по части синтеза, — и что и то еще надо счесть за счастье, если въ немъ есть достаточно людей, способныхъ хоть къ анализу!

Прежде всего сорганизовались совершенно отдѣльно отъ „русскихъ“ социалисты украинскіе, начавши съ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются социалистическія брошюры новыхъ польскихъ социалистовъ и за тѣмъ программа „польскихъ социалистовъ“. Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румынію. Наконецъ въ 1880 г. въ Женевѣ печатается воззваніе отъ „группы социалистовъ-евреевъ“, предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на Востокѣ Европы, на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либманомъ попытка социалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Характеристично, что всѣ эти зачатки новыхъ организацій не только имѣютъ себѣ цѣлью не великорусское населеніе, но, вслѣдствіе расположенія тѣхъ населеній, которыя они избрали себѣ за поле дѣйствія, — выходятъ и за предѣлы русскаго государства. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе труднымъ признаніе необходимости этихъ организацій со стороны тѣхъ, кто привыкъ видѣть всякаго „русскаго подданнаго“ погруженнымъ въ заботы и работы, исключительно помѣщающіяся въ рамкахъ государства Романовыхъ, въ которомъ дѣйствительно помѣщаются всѣ почти великоруссы, за исключеніемъ небольшого числа раскольниковъ. Вотъ почему названныя невеликорусскія организаціи должны были вызвать тѣмъ большую реакцію въ „русскихъ“ социалистическихъ кругахъ. Даже и теперь списодительность литературныхъ представителей послѣднихъ напр. къ украинскимъ социалистамъ не идетъ дальше признанія ихъ „фракціей русскаго социализма“ (см. воззваніе, — первое, — объ изданіи „Русск. Соц.-Револ. Библиотеки“ или „Нѣсколько словъ объ организаціи партіи“ г. П. Лаврова въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 3), — на каковое званіе украинскіе социалисты вдвойнѣ не могутъ согласиться, такъ какъ украинское населеніе не фракція русской (великорусской) націи, а отдѣльная нація, — и такъ какъ ихъ работа въ Австро-Венгріи выводитъ ихъ за границы „русскаго“ государства. Не очень же давно самая мысль о сколько нибудь самостоятельной организаціи украинцевъ, и даже, какъ это ни странно, — мысль о печатаніи книгъ на украинскомъ языкѣ, считалась у большинства „русскихъ“ социалистовъ за противный социализму „націонализмъ“. Также само была встрѣчена (хотя и не въ литературѣ) и мысль объ организаціи бессарабскихъ румынъ. Кто бы этому не повѣрилъ, тому любопытно было бы послушать пренія на жепевскомъ собраніи, созданномъ „группою социалистовъ-евреевъ“ и нѣсколькими украинцами въ 1880 году для обсужденія мысли объ изданіи социалистиче-

скихъ брошюръ на разговорныхъ языкахъ евреевъ Восточной Европы. Казалось бы, какое возраженіе могла вызвать мысль объ изданіи той же „Хитрой Механики“ еще на одномъ человѣческомъ языкѣ, или, пожалуй, даже „жаргонѣ“? А между тѣмъ надо приписать только чрезвычайнымъ усиліямъ и такту лица, предсѣдательствовавшего на вышеупомянутомъ собраніи, что оно не окончилось крупнымъ скандаломъ. Съ такимъ озлобленіемъ отнеслись къ нему ораторы изъ русской и польской социалистической партіи, и особенно лица еврейскаго же происхожденія!).

Только мысль о вполнѣ самостоятельной организаціи „польскихъ социалистовъ“ не встрѣчала до сихъ поръ никакой оппозиціи со стороны социалистовъ русскихъ. Но за то среди „польскихъ социалистовъ“ сейчасъ же обнаружались элементы, которые раздѣлили съ русскими трудъ отрицательнаго отношенія къ мысли о необходимости существованія социалистовъ украинскихъ и даже отрицаніе существованія украинскаго народнаго элемента рядомъ съ польскимъ тамъ, гдѣ онъ несомнѣнно существуетъ, какъ напр. въ Галиціи**). Такое отношеніе со-сѣдей обусловило со всѣхъ сторонъ „военное положеніе“ украинскіхъ социалистовъ. Крайне непріятно это положеніе и тяжела палагаемая имъ борьба, — но разъ она дана реальными условіями жизни, отъ этой борьбы нельзя отказаться. Притомъ же самая эта борьба, уже ради расчета не остается одному въ полѣ воиновъ, заставляетъ украинцевъ поднимать на Востокѣ Европы народно-федеральную идею вообще, — поднять то знамя, которое держали въ своихъ рукахъ и великоруссы, въ родѣ Бакунина, но которое выпустили изъ рукъ ихъ близорукіе наслѣдники. Идея эта — *полное равноправіе негосударственныхъ націй съ государственными, организація для каждой изъ нихъ спеціальнаго корпуса дѣятелей политическаго и социальнаго освобожденія* и на первыхъ порахъ *пропаганда освободительныхъ идей на всѣхъ языкахъ, не только панскихъ, а и плебейскихъ, какъ самое дѣйствительное средство провести эти идеи въ массы населенія всѣхъ племенъ Востока Европы****).

Въ борьбѣ за эту идею украинцамъ придется имѣть противъ себя всѣ государствен-

*) Мы считаемъ себя вправѣ говорить объ этомъ собраніи, такъ какъ это былъ вполнѣ публичный митингъ, созданный печатными приглашеніями, и такъ какъ извѣстія о немъ проникли и въ газеты. Съ своей стороны мы ничего не имѣемъ противъ того, если бы кто нибудь хоть стенографически вѣрно напечаталъ то, что говорили на этомъ митингѣ мы и наши товарищи, равно какъ и ихъ возражатели.

**) Кто знаетъ сословно-экономическія отношенія правобережной Украины и кто знаетъ, что дѣло пропаганды социализма на Востокѣ Европы до сихъ поръ ведется почти исключительно людьми и взносами панскихъ классовъ, живущихъ, конечно, хлопскимъ трудомъ, тотъ пойметъ, что Украина должна была стать оброчною статьею и для польской социалистической пропаганды. Въ такомъ же положеніи находятся и Бѣлоруссія, и Литва, и земля Латышей.

***). Подробное развитіе этихъ мыслей см. въ „Громадѣ“, „Листкѣ Громады“, и въ „Вольномъ Союзѣ“.

но-национальные, централистические элементы: немецкие (Германия, Австрия и Остзейского края), великорусские, польские и венгерские, — начиная от консервативно-аристократических и до социально-демократических, но раньше или позже украинские социалисты-федералисты не только будут иметь за собою украинский народ, который и теперь все же представляет массу до 20.000.000 человек, но увидят рядом с собою федерально-социалистическую партию: эстонскую, латышскую, литовскую, белорусскую, словацкую, словенскую, румынскую, кавказскую, кружки еврейские (которые необходимы до слияния рабочего элемента еврейских колоний с окружающими их массами населения), — а также здоровые от государственно-национальной заразы элементы партий великорусских, польских, немецких и венгерских. Некоторые признаки такого светлого будущего видны уже и теперь.

М. Драгомановъ.

(Продолжение следует).

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

(Отъ нашего корреспондента)

Петербургъ, 6 ноября (25 октября).

Я имелъ на дняхъ, съ однимъ изъ опытныхъ и тонкихъ наблюдателей хода событий въ Россіи, разговоръ, который, кажется мнѣ довольно интереснымъ, чтобы сообщить Вамъ его вкратцѣ.

Я началъ разговоръ замѣчаніемъ, что вниманіе общества въ настоящую минуту, дѣлится по ровну между совѣщаніями свѣдущихъ людей и сокращеніемъ штатовъ въ придворномъ и военномъ вѣдомствахъ.

Это совершенно понятно, — сказалъ мой собеседникъ, — и то и другое затрогиваетъ самыя чувствительныя стороны нашей жизни. Мы все здѣсь болѣе или менѣе либералы и, въ тоже время, все болѣе или менѣе чиновники. Признаніе „выборныхъ“ людей льститъ нашимъ либеральнымъ инстинктамъ, приближаетъ насъ къ Европѣ, поощряетъ мечты наши о парламентѣ, ораторскихъ состязаніяхъ и возможности быстрой и блестящей карьеры пріобрѣтеніемъ популярности въ странѣ. Съ другой стороны, однако, мы или сами служимъ, или имѣемъ на службѣ отцевъ, дѣдей, родственниковъ, друзей, положеніе и будущность которыхъ приводится въ опасность предположеннымъ уменьшеніемъ окладовъ и сокращеніемъ штатовъ администраціи. И тогда какъ введеніе парламентскаго режима, въ глазахъ людей сколько нибудь благоразумныхъ, представляется только въ туманной дали, — потеря служебнаго мѣста и выгодъ съ нимъ сопряженныхъ является въ непосредственной близости.

— Таковы дѣйствительно заботы петербургскихъ либерально служившихъ круговъ, замѣтилъ я, — но чего можно ожидать для Россіи вообще отъ теперешняго призыва правительствомъ не служебныхъ дѣятелей?

— Немедленныхъ, практическихъ послѣдствій прядъ ли можно ожидать, — сказалъ Х. — теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ видитъ въ

собраніи экспертовъ преимущественно средство удовлетворенія чувствуемой повсемѣстно въ обществѣ, и именно въ провинціальномъ, потребности поговорить объ общественныхъ вопросахъ, высказать свое мнѣніе и взгляды и заявить о себѣ передъ страной и передъ правительствомъ. Что работа ихъ не будетъ имѣть значительнаго вліянія на рѣшеніе даже вопросовъ подвергнутыхъ ихъ обсужденію, за это ручается общее настроеніе государственнаго совѣта и государственной канцеляріи; тамъ и теперь прямо говорятъ, что „мѣстные дѣятели“ не знакомы съ общегосударственными нуждами, съ ходомъ государственныхъ дѣлъ, заключеніями ими выработанными можно воспользоваться какъ матеріаломъ, конечно весьма полезнымъ, но который слѣдуетъ переработать съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ и высшихъ политическихъ соображеній; такимъ образомъ, мѣстные дѣятели, а черезъ нихъ и общество, будутъ довольны доставленной имъ свободой высказаться, хотя бы по небольшому числу вопросовъ, и честию быть выслушанными высшими административными и законодательными дѣятелями, послѣдніе же останутся не стѣсненными въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ.

Впрочемъ, — продолжалъ Х. — и придаю отрицательному результату совѣщаній мѣстныхъ дѣятелей болѣе значенія нежели положительному. Въ правительственныхъ кругахъ произвело впечатлѣніе то обстоятельство, что удовлетворивъ своей первой потребности высказаться, и высказавшись иногда съ жаромъ, эксперты становились болѣе осторожными, сдѣлали прибавить что таково ихъ личное мнѣніе, но что они не знаютъ какъ посмотреть на это земство, или что земство выражало такое или такое желаніе, и въ концѣ концовъ, все и каждый, — не только на формальныхъ совѣщаніяхъ, но и на частныхъ пріемахъ у правительственныхъ лицъ, — постоянно указывали на земство, на необходимость услышать обо всехъ вопросахъ касающихся русской земли голосъ цѣлаго русскаго земства.

Эта зависимость экспертовъ отъ земства, отъ страны, высказываясь, не вѣдѣвше ихъ преданности, а самою силою вещей, заставляетъ серьезно задумываться нашихъ администраторовъ; они понимаютъ, что съ дальнѣйшимъ обращеніемъ къ мѣстнымъ дѣятелямъ, ссылки на земство, указанія на необходимость созванія не однихъ отдѣльныхъ земствъ, а всерусскаго земства, станутъ чаще и сильнѣе. Правительство поставлено будетъ тогда передъ дилеммою: возвратиться къ прежнему рѣшенію всехъ вопросовъ административными силами, безъ участія какихъ бы то ни было силъ общественныхъ или признать невозможность далѣе распоряжаться судьбами Россіи по своему произволу и обратиться къ содѣйствію довѣренныхъ лицъ избранныхъ самой страной.

По мнѣнію Х., теперь нельзя еще предвидѣть выбора между этими двумя рѣшеніями, равно какъ и послѣдствій того или другого. Кроме правительства и земства, существуютъ третій элементъ, такъ называемый „крамола“, къ которой принадлежитъ не одна собственно революціонная партія, но и вообще все люди желающіе, но тѣмъ или другимъ причинамъ, насильственнаго переворота. Розыски произведенныя послѣ 1-го марта открыли что на высшіе общественные слои, или даже слои административные

не чужды связей съ „крамолой“; отъ этого подозрѣнія падаютъ на всехъ и каждого: армія, флотъ, разныя административныя вѣдомства, даже придворное, все кажется „зараженнымъ“ и поэтому нуждаются въ очищеніи. Прежде одинъ Катковъ утверждалъ это, а нынѣ въ этомъ убѣждены все стоящіе у кормила правленія.

— Повѣрьте мнѣ, — заключилъ Х., — что сокращенія личнаго состава администраціи приняты столько же съ цѣлью произвести это очищеніе, сколько и изъ желанія облегчить государственнымъ тяготамъ. Естественно, что выполнение этой задачи встрѣчаетъ великія затрудненія въ личныхъ связяхъ и вліяніяхъ, которыя нерѣдко дѣлаютъ напрасными добрыя намѣренія нашихъ реформаторовъ. Цѣлыя категоріи чиновниковъ осужденныхъ на „сокращеніе“ громко жалуются на несправедливость, кричатъ, что вся реформа состоитъ въ вытаскиваніи людей неприятныхъ новымъ заправителямъ, что выгода отъ сокращеній ничтожна, потому что они не производятся тамъ гдѣ ихъ можно и должно было произвести. Однимъ словомъ, настоящая административная реформа какъ бы ни были прекрасны мотивы ее внушившіе, значительно увеличиваетъ число недовольныхъ и именно изъ той среды, которая обыкновенно поставляла защитниковъ нашей правительственной системы. Нѣтъ ничего удивительнаго если удаленіе отъ службы людей ни къ чему болѣе неспособныхъ, увеличитъ собою силы „крамолы“, для сокрушенія которой и была предпринята реформа.

— Не кажется ли вамъ, однако, что интересы привилегированныхъ страдаютъ при каждой реформѣ имѣющей цѣлью общее благо, и что, въ данномъ случаѣ, правительство легко можетъ пренебречь недовольствомъ удаляемыхъ чиновниковъ и ихъ друзей, опираясь на одобреніе общества, если не петербургскаго, такъ провинціального, гораздо болѣе многочисленнаго?

— Совершенно такъ, но подъ условіемъ чтобы правительство въ самомъ дѣлѣ опиралось на общество, а не отдавало бы его во власть обыкновенной, усиленной и чрезвычайной охраны, отъ которыхъ болѣе всего страдаютъ приходится не Петербургу, а провинціи. При настоящихъ же обстоятельствахъ, недовольство служебныхъ сферъ, приравненное къ недовольству сферъ неслужебныхъ, имѣетъ серьезное значеніе: оно еще болѣе изолируетъ правительство и затрудняетъ его дѣйствія.

Меня все болѣе и болѣе поражаетъ аналогія между нынѣшней Россіей и Франціей 1776—1789 гг. Изнѣженный и развращенный высшій слой общества, и грубые и обнищавшіе массы, роскошный безъ мѣры дворъ и стремленіе къ экономіи свыше; тайны общества и заговоры, и участіе въ нихъ прямое или косвенное лицъ изъ самой правительственной среды; созываемые для содѣйствія правительству и распускаемые безъ достиженія результата, мѣстные дѣятели — у насъ эксперты, во Франціи нотабли; множество честолюбцевъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся; повсемѣстное броженіе, легковѣріе съ которымъ принимаются самыя чуждые слухи, взаимное заподозриваніе намѣреній и введенія всехъ и каждого; отсутствіе людей, которые бы могли сдерживать и направлять движеніе....

— А графъ Игнатъевъ? — прервалъ я Х-а.

заяв его ижегда выгодное мнѣніе о вышннемъ министръ.

— Я и теперь считаю его, — отвѣчалъ Х. — однимъ изъ смѣлѣйшихъ, способнѣйшихъ изъ нашихъ государственныхъ людей, чловкомъ не подавленнымъ административной рутинной и совершенно свободнымъ отъ предразсудковъ. Но противъ графа Пигатьева вся его предвдущая дѣятельность: какъ для европейской арміи опасна продолжительная война противъ нецивилизованныхъ народовъ сообщающихъ ей свой образъ дѣйствій, такъ и для европейскаго государственнаго чловка нѣтъ худшей подготки, какъ дипломатическая дѣятельность на Востока. Графъ Пигатьевъ провелъ всю свою служебную карьеру въ усплахъ перехитрить азіатовъ и обязатившихся европейцевъ; его исторически заслуга — ускореніе процесса разложенія оттоманской имперіи — весьма мало (нужно признать) сдѣлала его способнымъ къ сохраненію и возрожденію имперіи російской. Наконецъ, со вступленіи своего въ тепершнюю должность, онъ не перестаетъ разочаровывать людей возлагавшихъ на него большія надежды робостью своихъ прѣмовъ, уголивостью передъ вліятельнымъ, но весьма недалекимъ лицомъ, дурнымъ выборомъ своихъ сотрудниковъ и...

Разговоръ нашъ былъ прерванъ на этомъ мѣстѣ и я не узналъ заключительнаго мнѣнія Х-а о нашемъ главномъ министръ.

Я надѣюсь что мой собесѣдникъ не разсердится на меня за сообщеніе Вамъ его словъ, въ которыхъ, конечно, нѣтъ ничего „неблагодѣтельного“, по которымъ интересны какъ мнѣніе чловка совершенно независимаго и безпристрастнаго, не принимающаго участія въ борьбѣ ни на какой сторонѣ, а довольствующагося наблюденіемъ хорошо извѣстнаго ему хода событій.

М.

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

Х.

Соціалистическое движеніе въ италіи. Переходный фазисъ въ его развитіи. Экономическое положеніе народа и общее культурное его состояніе, какъ препятствіе къ образованію рабочей партіи. Общій характеръ социальнй борьбы низшихъ классовъ въ италіи. Препятствія образованію раб. партіи со стороны правительства и буржуазныхъ партій.

„Итальянскій социализмъ находится теперь наканунѣ второй фазы своего развитія, занимаетъ итальянскій корреспондентъ въ 3 книгѣ „Jahrbuch fuer Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik“ *); въ противоположность первой фазѣ, развившейся подъ вліяніемъ Интернаціонала и представлявшей для Италіи до извѣстной степени дѣтство современнаго социализма, наступающій фазисъ будетъ отличаться болѣе опредѣленнымъ

принципальнымъ характеромъ и болѣе практическимъ и дѣятельнымъ участіемъ въ общественной жизни“. Заявленіе это означаетъ ничто иное, какъ то, что рабочее движеніе въ Италіи находится въ переходномъ состояніи отъ доктрины и тактики анархизма къ социаль-демократизму. Дѣло въ томъ, что теоретическимъ вождемъ и главнымъ инициаторомъ социалистическаго движенія на интернаціональной почвѣ въ Италіи, какъ и въ Испаніи, явился Бакуини. Въ послѣднее же время въ Италіи замѣтно усиливается отгѣнокъ направленія Маркса, характеризующагося главнымъ образомъ стремленіемъ къ организаціи пролетаріата въ политическую партію, съ цѣлью путемъ систематической борьбы на избирательной парламентской почвѣ перенести въ руки рабочихъ классовъ законодательныя и административныя функціи страны или націи. Къ этому направленію присталъ Коста, одинъ изъ наиболѣе выдающихся приверженцевъ Бакуини и основателей социалистическаго движенія въ Италіи, начало котораго совпадаетъ съ концемъ 60-ыхъ годовъ и началомъ 70-ыхъ. Въ извѣстной степени, этому повороту въ тенденціяхъ итальянскихъ социалистовъ содѣйствовалъ членъ парижской коммуны 71 г., жившій долгое время въ Лугано, а отчасти въ самой Италіи и принимавшій дѣятельное участіе въ тамошнемъ социалистическомъ движеніи. Не смотря, однако, на проявленіе въ послѣднемъ тенденціи въ смыслѣ вышеприведеннаго заявленія одного изъ итальянскихъ социалистовъ, до сихъ поръ ничего не слышно объ образованіи партіи, подобной бельгійской, голландской, французской или нѣмецкой социаль-демократической. Мало того, за исключеніемъ нѣсколькихъ митинговъ и печатныхъ заявленій въ пользу всеобщаго избирательнаго права, общій характеръ социальнаго движенія низшихъ классовъ, какъ и дѣятельности специально социалистическихъ группъ существенно не измѣнился, крайней мѣрѣ, на сколько намъ извѣстно. Недовольство низшихъ классовъ по прежнему проявляется въ многочисленныхъ мелкихъ, безпринципныхъ волненіяхъ, чаще всего направленныхъ противъ мѣстныхъ властей и не связанныхъ между собою общимъ планомъ агитаціи, хотя бы во имя какого нибудь второстепеннаго требованія. Что же касается до социалистической партіи, то она состоитъ изъ многихъ группъ, далеко не объединенныхъ между собою въ одну общую организацію. Связь между ними поддерживается главнымъ образомъ региональными и изрѣдка устраниваемыми національными конгрессами. Отрицательное отношеніе къ парламентаризму и государственности повидимому еще довольно значительно распространено въ социалистическихъ группахъ. Мы, впрочемъ, ничего „принципально“ социалистическаго не видимъ именно въ этомъ пунктѣ социально-демократической программы. Что же касается до непрактичности итальянскихъ социалистовъ, состоявшей, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ въ игнорированіи, какъ ремесленнаго движенія, такъ

и вообще повседневныхъ проявленій народного недовольства, то эта слабая сторона социалистическаго движенія въ Италіи ничуть не необходимо связана съ анархической доктриной. И если въ чемъ можно прекратить итальянскихъ социалистовъ прошлаго десятилѣтія, то не въ отсутствіи „принципальности“, а скорѣе всего въ чересчуръ *прямолинейной* приверженности къ принципамъ и упущеніи изъ виду тѣхъ разнообразныхъ жизненныхъ явленій, которыя становятся безпрестанно поперегъ дороги и требуютъ отъ всякой дѣйствующей партіи обхожденія ихъ окольными дорожками, ничуть не опасными, если цѣль и главное направленіе ясно опредѣлены и установлены. Очевидно, что рѣзко отрицательное отношеніе къ самой доктринѣ анархической представляетъ собою одностороннюю реакцію тому игнорированію повседневныхъ нуждъ народа и тому *исключительно* бунтарскому направленію, которыя сопровождали первые шаги интернаціональнаго социализма въ Италіи. Какъ бы то ни было, въ проявляющейся съ недавняго времени реакціи среди социалистовъ Италіи противъ анархизма заключается здоровое зерно, а именно, стремленіе организовать съ одной стороны сознательные элементы рабочаго класса въ партію пропаганды и борьбы за социалистическіе принципы, а съ другой — возможно большія массы народа во имя систематической и единодушной борьбы за классовые интересы на почвѣ повседневныхъ и всеобщихъ ощущаемыхъ нуждъ. Создать тѣсную, органическую связь между болѣе или менѣе стихійными, безпринципными усиліями массъ къ экономической и политической свободѣ съ одной стороны и дѣятельностью социалистическихъ элементовъ, съ другой, соединить оба эти теченія въ одно цѣлое, въ формѣ организованнаго, управляемаго социалистическими принципами массоваго рабочаго движенія — такова по видимому дорога, на которую теперь выступаютъ или по крайней мѣрѣ стараются выступить социалистическія группы Италіи.

Достиженіе этой цѣли сопряжено, однако, въ Италіи съ гораздо большими трудностями, чѣмъ въ какой либо изъ западно-европейскихъ странъ. Около 70 % населенія живетъ въ селахъ. Въ то время, какъ индустріей и торговлей заняты 3,758,141 чловкъ, сельско-хозяйственнымъ производствомъ посвящаютъ свой трудъ 8,565,545 *) чловкъ, т. е. почти на 112 % больше, чѣмъ въ первыхъ отрасляхъ экономической жизни. Такимъ образомъ, Италія является по преимуществу страпою земледѣльской. И почти вся земля сосредоточена въ рукахъ немногихъ крупныхъ собственниковъ. Больше 3 милл. взрослого сельскаго населенія — поденщики, громадное же большинство остальныхъ составляютъ половинки и всякаго рода арендаторы, доходъ которыхъ главнымъ образомъ переходитъ въ руки собственниковъ и государства. Но этотъ сельскій пролетаріатъ не имѣетъ никакого представленія объ общинномъ землевладѣніи, подобно

*) См. стр. 216, годъ 1881. „Ежегодникъ“ этотъ издается въ Цюрихѣ съ 79 г. Почти всѣ данныя въ этомъ письмѣ заимствованы мною изъ статей итальянскаго сотрудника этого изданія.

*) Kolb. Statist., 236—7, изд. 8.

крестьянамъ въ значительной части Россіи. Присоединяте къ этому обстоятельству страшно низкій уровень потребностей, полнѣйшее невѣжество и даже деморализацію, вслѣдствіе страшной нищеты, продолжающейся изъ поколѣнія въ поколѣніе — и вы легко поймете трудности вывести эту массу на путь систематической и организованной борьбы за свои права. Еще меньше можно рассчитывать на быстрый успѣхъ принципиальной социалистической пропаганды въ средѣ селскаго населенія, такъ какъ не только первоначальное образованіе, но и грамотность весьма мало распространены, т. е. недостаетъ условія, которое за отсутствіемъ общинныхъ традицій, могло бы хоть нѣсколько облегчить доступъ къ этой среде экономическимъ требованіямъ социализма *). „У него отсутствуетъ организація и чувство солидарности, имѣ (сельскимъ населеніемъ) двигаютъ не принципы, а инстинкты, говоритъ корреспондентъ „Jahrb.“ **); среди сельскихъ рабочихъ нѣтъ союзовъ, и потому они вѣдко дѣлаютъ стачки; они предпочитаютъ собираться толпами на площадяхъ и вооруженные кирками и лопатами угрожать властямъ, или оставляютъ работу при крикахъ: „Смерть господамъ!“ Ихъ нища крайне скверна и является причиною той страшной болѣзни, такъ называемой Pellagra ***), которая свирѣпствуетъ во всей Сѣверной и Средней Италіи, гдѣ селское населеніе почти исключительно питается скверной мансовой мукой, называемой „Pellegrina“.

Немногимъ лучше и положеніе городскихъ рабочихъ, страдающихъ не только отъ эксплуатаціи высшихъ классовъ, но и отъ недостаточно широкаго развитія промышленности, хотя бы и на капиталистическихъ основаніяхъ. Экономическое ихъ положеніе характеризуется тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ мужчины получаютъ одну лиру и 60 сантимовъ (копѣекъ 40) за 15 — 16 часовъ рабочій день, а женщины за такое же рабочее время — 80 сант. Смерть и самоубійства отъ голода не рѣдкость въ городахъ. Наглядной иллюстраціей экономическаго положенія низшихъ классовъ могутъ послужить слѣдующія цифры распределенія доходовъ страны, заимствованныя нами у Кольба (8 изд., стр. 297). Лица, получающія меньше 400 лиръ въ годъ (около 100 рублей) освобождены отъ подоходнаго налога. Подверженныхъ же этому налогу оказалось въ 1872 г. всего 631,582 лица. Изъ нихъ 548,200 получали *максимумъ* 1,000 лиръ въ годъ, а вмѣстѣ 170,723,537 лиръ, между тѣмъ какъ всего 83,372 лица съ доходомъ выше 1,000 лиръ получаютъ 302,902,158 лиръ, такъ что среднимъ числомъ лицо первой категоріи получаетъ около 312 лиръ, (меньше 100 руб.), а второй — 3,363. Не нужно при этомъ упускать изъ виду, что въ послѣднюю катего-

рію вошли и корпораціи, считающіяся юридическими лицами, и по расчетамъ авторитетнаго итальянскаго статистика, у котораго Кольбъ заимствуетъ многія данныя, дѣйствительное число лицъ, получающихъ свыше 1,000 лиръ годоваго дохода, всего около 68,600, и изъ нихъ 51,000, т. е. почти 200 % пользовалось доходомъ отъ 1,000 до 2,500 л. и только $\frac{1}{3}$ высшей категоріи пользовалась благосостояніемъ, получая больше 600 рубл. Если полмилліона населенія, подлежащаго подоходному налогу, въ среднемъ выводѣ получаетъ такой ничтожскій доходъ, то можно себѣ вообразить положеніе той массы, которая освобождена отъ этихъ налоговъ. Оно иллюстрируется такими фактами, какъ покушеніемъ на собственную жизнь въ Катаніи, чтобы избавить себя отъ зрѣлища голодной смерти своихъ дѣтей, убійствомъ въ Туринѣ помѣшавшимся отъ голода лицомъ собственныхъ дѣтей, самоубійствами въ томъ же городѣ, въ Бергамо и другихъ мѣстахъ. Въ Неаполитанской области рабочіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ питаются травами, въ Асти, Voglio и Rossadegandro люди буквально умираютъ отъ голода и холода. Въ тоже время сборщики податей уводятъ скотъ, продавая его за грошъ, (осла напримѣръ, за 75 сантимовъ) и закладываютъ въ залогъ участки крестьянъ (въ Сициліи напр.).

Страшная нищета, низкій уровень потребностей, отсутствіе традиціоннаго общественнаго идеала и недостаточно широкое развитіе крупнаго фабричнаго производства въ связи съ невѣжествомъ и даже полной безграмотностью громаднаго большинства населенія — все это вмѣстѣ взятое должно до чрезвычайныхъ размѣровъ затруднять процессъ образованія сознательныхъ массовыхъ организацій для *систематической, планообразной* борьбы за свои интересы. Весьма естественно, что народъ столь страстнаго темперамента, какъ итальянцы, проявляетъ свой протестъ, при этихъ обстоятельствахъ, главнымъ образомъ въ моменты отчаянія и въ формѣ разрозненныхъ вспышекъ негодованія, а не организованной систематической борьбы. Этимъ общимъ характеромъ заявленій народомъ своихъ требованій въ связи съ революціонными традиціями періода борьбы за національное, или вѣрнѣе политическое объединеніе, объясняется односторонне бунтарское направленіе социалистическаго движенія въ Италіи, по крайней мѣрѣ въ прошломъ десятилѣтіи. И очень можетъ быть, что организація мѣстныхъ бунтовъ или точнѣе *организованное* участіе социалистовъ въ мѣстныхъ волненіяхъ для внесенія въ нихъ большаго единства и цѣлесообразности останется еще на долгое время наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ объединить активные элементы эксплуатируемыхъ классовъ въ постоянную организацію. По крайней мѣрѣ, судя по частнымъ свѣдѣніямъ и сообщеніямъ корреспондента „Jahrbuch“ до сихъ поръ только въ сѣверной Италіи, гдѣ положеніе народа *относительно* менѣе бѣдственно, тенденціи къ образованію народнои партіи

на почвѣ легальной агитаціи одержали побѣду, и то не рѣшительную, надъ тенденціями исключительно бунтарскими.

Слѣдующій списокъ мѣстныхъ „волненій“, „беспорядковъ“ и т. п. дастъ представленіе о настроеніи народа въ Италіи и о формахъ, въ которыхъ оно проявляется. Въ концѣ 78 и началѣ 79 г. толпы, вооруженныя топорами, требуютъ въ четырехъ разныхъ провинціяхъ средства для выселенія и раздачи хлѣба. Въ одномъ мѣстѣ, въ Сициліи, крестьяне приступомъ взяли казенное зданіе, ворвались въ него и пустили въ ходъ топоры противъ мѣстныхъ властей.

„Выселеніе крестьянъ очень часто сопровождается эпизодами насильственныхъ дѣйствій“. Въ Генуѣ и Піаченцѣ — стачки, а въ четырехъ другихъ мѣстахъ крестьяне и рабочіе пускаютъ въ ходъ угрозы и насилія противъ богатыхъ и властей за скопленіе большихъ запасовъ хлѣба въ рукахъ нѣкоторыхъ скупщиковъ и за переходъ общинныхъ земель въ руки частныхъ лицъ. Въ томъ же году волненія: въ Доло, Равеннѣ, Giglio, Неаполитанской области; въ Калабріи, Туринѣ, Болоньѣ и еще десяти мѣстностяхъ *). Поводомъ являются требованіе хлѣба, чрезмѣрные налоги, недостатокъ работы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ недовольство раздачей въ частныя руки общинныхъ земель и даже требованіе перехода государственной земли въ руки крестьянъ. Въ одной Неаполитанской деревнѣ крестьяне (200 человѣкъ) завладѣли общиннымъ лѣсомъ, чтобы вырубить его исключительно для себя; въ Гавеннѣ волненія происходили изъ за введенія машинъ въ земледѣльческое хозяйство. Въ Калабріи и Амароли — изъ за государственной земли и пользованія лѣсомъ. А въ Палестринѣ, Фаенза, Форли и Равеннѣ толпа падаетъ на хлѣбопекарни; „въ Картонѣ крестьяне, вооруженные лопатами требуютъ отъ муниципальных властей помощи матеріальной“. Наконецъ, въ Салтѣ, Болоньѣ, Туринѣ — стачки, къ которымъ присоединяются даже лавочники изъ за возвышенія налоговъ.

Начало 1880 г. ознаменовалось крестьянскими волненіями въ 16 мѣстахъ изъ за „хлѣба и работы“. Далѣе, въ теченіи этого года тянется опять цѣлая вереница волненій, бунтовъ и беспорядковъ, часто сопряженныхъ насиліями со стороны вооруженныхъ топорами или лопатами крестьянъ и рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне пытаются завладѣть государственной землей и раздѣлить между собою. Въ другихъ поводомъ является пользованіе лѣсомъ, затѣмъ — низкая заработная плата, какъ въ Савонѣ, Алессандріи, Туринѣ и Миланѣ. Наконецъ, въ Римѣ голодная толпа силою захватываетъ проезжающій по улицѣ возъ съ хлѣбомъ, въ Равеннѣ рабочіе сопротивляются распоряженіямъ правительства, въ Падуѣ сапожники пытаются разрушить большой магазинъ, конкуренцію котораго они не могутъ вынести.

Таковъ общій характеръ всѣхъ прояв-

*) Въ 71 г. числилось вполнѣ безграмотныхъ 23 % населенія, разумѣется въ селахъ процентъ безграмотныхъ гораздо больше.

**) 1881 г., стр. 214.

***) Лѣтомъ 1879 г. заболѣло ею 97,000 человѣкъ.

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ беспорядки совершались по нѣскольку разъ и по различнымъ поводамъ.

ний народного недовольства въ Италіи, значительная доля которыхъ за 79—80 гг. перечислена нами. Въ нихъ отражаются и страшная нищета народа, и полное отсутствие принципиальной подкладки въ народныхъ требованіяхъ (если не считать предъявленіе правъ на государственныя земли и то во имя перехода въ индивидуальную собственность), какъ и какого бы то ни было плана и единства въ его усиленіяхъ избавиться отъ нужды и лишений. Такое состояніе народа до чрезвычайности затрудняетъ осуществленіе организационныхъ и пропагандистскихъ цѣлей итальянскихъ социалистовъ. Но кромѣ этихъ обстоятельствъ, усилившихся еще повальнымъ безграмотностью и низкимъ уровнемъ культурнаго развитія народа въ связи съ отсталостью страны въ экономическомъ отношеніи, дѣятельность социалистовъ затрудняется крайне и безстыдными преслѣдованіями правительства и самой буржуазіи съ маццинистами во главѣ. „Маццинисты—самые нетерпимые между республиканцами относительно социалистовъ, и фактически между ними и послѣдними дѣло доходило до кровавыхъ сценъ, особенно въ Тосканѣ и Романьѣ“. Мало того, „даже *республиканско-федералистическая* партія подъ предводительствомъ Альберто Маріо принимаетъ участіе въ этомъ“ (преслѣдованіи социалистовъ).

Что касается до правительственныхъ преслѣдованій, то характеръ ихъ не измѣняется, „стоятъ ли во главѣ умѣренные либералы или прогрессисты. Въ концѣ 78 г. министерство перешло въ руки прогрессистовъ. Свои отношенія къ социалистическому движенію оно ознаменовало тѣмъ, что объявило интернационалистовъ простыми преступниками“, а одинъ изъ министровъ заявилъ, что „интернационалъ есть отрицаніе всякой морали и что онъ постоянно возбуждаетъ къ преступленіямъ“. Подъ этимъ предлогомъ усиливаются преслѣдованія: обыски, изгнанія и аресты совершаются повсемѣстно, и особенно въ большихъ размѣрахъ подъ конецъ 78 г. въ 16 мѣстахъ. Въ началѣ 79 г. въ одной только Imola, небольшомъ городкѣ, „50 семействъ находились въ траурѣ, вслѣдствіе заключенія ихъ членовъ въ тюрьму. Въ Маѣ того же года арестованы въ Болонѣ не менѣе 50 членовъ интернационала. По всей странѣ разосланы agents provocateurs. „Въ общемъ политическіе процессы сооружаются на основаніи показаній исключительно тайныхъ и лживыхъ агентовъ полиціи“. Въ процессѣ по поводу брошенныхъ въ толпу бомбъ (въ Флоренціи въ 78 г.) изъ 9 обвиняемыхъ осуждены были 6 на 19 лѣтъ заключенія и одинъ на вѣчную каторгу, хотя не было никакихъ доказательствъ, и единственно вслѣдствіе мужественнаго поведенія обвиняемыхъ, заявившихъ себя интернационалистами и защищавшихъ интернационалъ на процессѣ отъ клеветъ противниковъ. „Вліяніе полиціи на судъ такъ усиливается, что ей удалось въ Болонѣ осудить 18 интернационалистовъ, какъ *простыхъ преступниковъ*“; фактъ

этотъ вызвалъ протестъ со стороны нѣкоторыхъ гражданъ, которые за это были арестованы. Въ одномъ городкѣ были арестованы два члена городского совѣта по допосу, что они социалисты. Въ теченіи 1880 г. среди массы арестованныхъ находились и больные, между прочимъ, одинъ слѣпой. Въ цѣломъ рядѣ процессовъ суду пришлось освободить подсудимыхъ, изъ которыхъ многіе сидѣли по 18 мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи (24 человѣка въ Regia и во многихъ другихъ мѣстахъ). Съ не меньшей ревностью преслѣдуются социалистическія изданія, такъ что и въ конституціонной Италіи приходится въ значительной мѣрѣ пускаться въ ходъ тайное печатаніе и распространеніе социалистическихъ брошюръ, листовъ и газетъ. На сколько намъ извѣстно, одной только социалистической газетѣ „Ribe“ удается кое какъ существовать легально въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду.

Заклучимъ на этотъ разъ свою хронику о социалистическомъ движеніи въ Италіи указаніемъ еще на одно явленіе, сильно препятствующее образованію самостоятельной рабочей партіи подъ знаменемъ социализма. Это — страшный авторитетъ Мадзини и Гарибальди, сохранившійся во всѣхъ слояхъ населенія. Авторитетомъ этихъ великихъ борцовъ за свободу въ ихъ роднѣ пользуются республиканскіе союзы для привлеченія наиболѣе развитыхъ элементовъ эксплуатируемыхъ классовъ на свою сторону. Конечно, крайняя деморализація крестьянской буржуазіи, въ особенности парламентскихъ фракцій, въ значительной степени способствуетъ переходу многихъ изъ наиболѣе честныхъ представителей средняго класса въ ряды социалистовъ. Всѣ эти прозелиты не могли однако до сихъ поръ подорвать авторитетъ и вліяніе республиканскихъ обществъ на городскихъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ. Организациа итальянскаго пролетаріата въ самостоятельную силу для принципиальной борьбы за свою эмансипацію остается пока вопросомъ будущаго.

ПРОГРАММА НАРОДНОЙ ПАРТІИ

I

цѣль и непосредственная задача партіи.

Народная партія, раздѣляя программу социалистов — федералистов, ставитъ себя цѣлью осуществленіе порядка вещей, отвѣчающаго идеаламъ этой программы. В основаніи своей дѣятельности она полагаетъ принципы, общіе всѣмъ народнымъ партіямъ, опирающимся на условія и міровоззрѣніи, выработанныя народной жизнью и ставшимъ, благодаря этому, живой общественной силой.

Сообразно с этимъ, принимая во вниманіе, что

во 1) практически осуществимы лишь тѣ измѣненія в государственномъ и общественномъ строѣ, которыя обуславливаются потребностями и интересами общественнаго

класса и соответствуютъ его сознаннымъ идеаламъ;

во 2) в Россіи только одно крестьянство обладаетъ вполне опредѣленнымъ идеаломъ „Земля и Воля“, расходящимся съ принципами современнаго государств. и обществ. порядка;

в 3) полное осуществленіе народныхъ идеаловъ можетъ быть достигнуто только путемъ активной борьбы и сознательныхъ усилій самого народа, —

Народная партія ставитъ своей ближайшей задачей *осуществленіе народныхъ идеаловъ путемъ народного возстанія*, считая это первымъ шагомъ къ достиженію своей конечной цѣли.

В сферѣ экономическихъ отношеній этотъ переворотъ, по убѣжденію партіи, долженъ повлечь за собою признаніе *верховнаго права собственности на землю, фабрики, заводы и крупныя орудія труда за всемъ народомъ*, причемъ пользованіе ими останется в рукахъ сельскихъ и городскихъ рабочихъ группъ.

В виду того, что разрушеніе идеалъ царизма в народѣ еще не привело его къ выработкѣ новаго, опредѣленнаго политическаго идеала, — Народная партія выставляетъ слѣдующіе основныя принципы общественнаго порядка, логически вытекающаго изъ культуры, характера и будущихъ экономическихъ отношеній русскаго народа, которые и считаетъ необходимымъ усиленно пропагандировать:

- а) независимость національностей, механически связанныхъ в настоящее время в единую Всероссийскую имперію,
- б) автономія общинъ,
- в) свободная федерація общинъ.

В моментъ народного возстанія партія возьметъ на себя инициативу организаціи временныхъ правительствъ, способныхъ руководить революціонной борьбой и готовыхъ, послѣ приведенія ея къ успѣшному концу, уступить мѣсто политической организаціи, санкціонированной народомъ.

II.

ПРАКТИЧЕСКІЙ ПУТЬ ДЛЯ ДОСТИЖЕНІЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ЗАДАЧИ ПАРТІИ.

1) Тяжелое экономическое положеніе народа с одной стороны, опредѣленность народныхъ требованій с другой — это почва для переворота.

2) Отсутствие сознанія общей солидарности в народѣ, вѣры в свои собственныя силы и тѣсно связанная с этимъ традиціонная вѣра в царя, какъ представителя и защитника народныхъ интересовъ; кромѣ того, отсутствіе в народѣ широкой и крѣпкой организаціи — это тормазы народного возстанія.

Народная партія поэтому направляетъ всѣ свои силы на устраненіе этихъ тормазовъ:

а) Усиленная дѣятельность партіи в крестьянствѣ должна быть направлена къ созданію революціонной организаціи в народѣ, безъ которой нѣтъ никакой гарантіи успѣшнаго исхода самаго народного возста-

нія в смыслъ осуществленія народныхъ идеаловъ.

Организацію в народѣ партія понимает в смыслѣ образованія в каждой мѣстности тѣсно сплоченнаго ядра, вокруг котораго в момент народнаго возстанія могла бы сѣорганизоваться и остальная масса крестьянства и представить собою т. об. общую силу, вполне способную к борьбѣ.

Что касается городскихъ рабочих, то значительная часть ихъ является элементомъ подвижнымъ, неуспѣвшимъ еще окончательно осясться в городѣ и обособиться отъ крестьянства по своимъ интересамъ. Эта часть рабочихъ в теченіи извѣстнаго промежутка времени совершаетъ перекочевки из деревни в городъ, и обратно. Всѣ ихъ помыслы и стремленія тяготеютъ къ основному идеалу крестьянской массы „Земля и Воля“. Партія должна воспользоваться этими рабочими, какъ могущественнымъ средствомъ воздѣйствія на сознаніе крестьянской массы, какъ орудіемъ для созданія организаціи в средѣ послѣдней.

Другая часть городскихъ рабочихъ уже обособилась по своимъ интересамъ и идеаламъ отъ крестьянства. Этотъ общественный слой по своей численности и по стратегическому значенію промышленныхъ и административныхъ центровъ представляетъ собою весьма серьезную силу в общей массѣ русскаго народа. Агитаціонная и организаціонная дѣятельность должна сопровождаться внесеніемъ в эту среду, взаимны узкихъ требованій, проявляющихся в ней в настоящее время, широкаго идеала коллективизма.

б) Естественный процессъ разрушенія идеализма в народѣ, совершающійся в настоящее время путемъ накопленія в сознаніи массы фактовъ, подрывающихъ эту вѣру, ускорится совмѣстно с ростомъ в народѣ духа активности и увѣренности в свои силы и отчасти путемъ пропаганды и агитаціи в этомъ смыслѣ.

в) Какъ отдѣльная личность начинаетъ вѣрить в свои силы только испытавши ихъ

на практикѣ, такъ и в массѣ эта вѣра создается активной борьбой с своими непосредственными врагами.

Народная партія должна поэтому пользоваться каждымъ случаемъ столкновенія народа с администраціей, помѣщиками и пр., освѣщая эти столкновенія революціонной идеей, способствуя, хотя бы временному, успѣху ихъ, и практикуя, сообразно обстоятельствамъ, аграрный и фабричный терроръ.

Принимая во вниманіе, что

по 1) моментъ осуществленія народныхъ идеаловъ путемъ народной революціи находится въ прямой зависимости отъ желаній партіи,

по 2) агитація и организація народа должна вестись на почвѣ насущныхъ нуждъ и потребностей народа,—

Народная партія выставляетъ слѣдующія требованія, какъ поводы къ массовой агитаціи:

а) В области экономической: прекращеніе раздачи общинныхъ земель, увеличеніе общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, уменьшеніе податей и улучшеніе системы ихъ взиманія, прекращеніе продажи крестьянскаго инвентаря за недоимки и подати, сокращеніе рабочаго дня, воспрещеніе дѣтскаго труда до извѣстнаго возраста и регулированіе женскаго путемъ фабричнаго законодательства и пр. и пр.

б) Въ области политической: охрана личной неприкосновенности, свобода совѣсти, ученія путемъ слова и печати, свобода собраній, союзовъ, участіе народа в управленіи и пр.

III

вспомогательная дѣятельность партіи.

Помимо крестьянства и городскихъ рабочихъ, которые по своему своему положенію должны составлять большую часть народной партіи,— послѣдняя должна быть необходимо усилена лицами, принадлежащими къ другимъ общественнымъ классамъ:

а) *Войско*. Въ настоящее время при довольно короткомъ срокѣ военной службы

солдатъ не отрывается вполне отъ крестьянскихъ интересовъ; поскольку онъ продолжаетъ жить ими — партія считаетъ необходимымъ воспользоваться этимъ элементомъ, весьма важнымъ во 1) в смыслѣ посредника между революціонной интеллигенціей и крестьянствомъ; во 2) в смыслѣ организованной боевой силы, могущей в моментъ народнаго возстанія примкнуть къ народу и тѣмъ значительно увеличить его силы.

б) *Общество: молодежь, пресса, земство, чиновничество, офицерство* и пр.

Партія, стремясь привлечь лучшія силы общества къ народному дѣлу, ассимилировать ихъ с Народной партіей, обращаетъ, главнымъ образомъ, вниманіе на интеллигентную молодежь, распространяя в ея средѣ основанія научнаго социализма, указывая его практическое примѣненіе у насъ в Россіи и направляя альтруистическія чувства молодежи на борьбу за народные идеалы.

IV

положеніе партіи в народѣ.

Народная партія должна составлять не внѣшнюю силу, на которую перенесъ бы народъ свои упованія, она должна сродниться с народомъ, сдѣлаться частью его; личный составъ ея долженъ расти, главнымъ образомъ, на счетъ лучшихъ силъ, выдвигающихся изъ среды самого народа и непрерывающихся с нимъ самой тѣсной связи. Освобожденіе народа мыслимо лишь в томъ случаѣ, когда народъ и народная партія сдѣлаются однимъ неразрывнымъ цѣлымъ!

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Относительно выборовъ въ Германію пока извѣстно, что прошло 9 социалистическихъ кандидатовъ.